

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

АЛЕКСЕЙ УХТОМСКИЙ

ДАЛЬНЕЕ ЗРЕНИЕ

Из записных книжек (1896–1941)

ПАЛ Ы МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)
У89

Ухтомский А.

У89 Дальнее зрение : Из записных книжек (1896–1941) / Алексей Ухтомский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 195 с. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-517-10692-6

В настоящем издании публикуются избранные фрагменты из записных книжек Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) — физиолога с мировым именем, обладавшего энциклопедическими знаниями в области философии, богословия, литературы и оставившего свой след в «потаенном мыслительстве» России 1920–1930-х годов. Хотя в его литературном наследии нет художественных произведений, его письма можно рассматривать и как страницы эпистолярного романа, и как фрагменты философских трактатов, и как лирическую исповедь, а его записные книжки свидетельствуют о ясности авторской мысли, искренности чувств, психологической проницательности и «дальнем зрении» Ухтомского — способности видеть суть происходящих событий, предвидеть будущее, не позволяя «ближайшим и близоруким впечатлениям застилать глаза».

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-517-10692-6

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

22 сентября

Возвращаясь воспоминаниями к прошлому, мы обыкновенно с любовью перебираем пережитое нами. «Все то нам мило, что прошло». Но иногда, напротив, является мысль: как все это незначительно и бесцельно, — даже самое крупное из пережитого нами. Мы сами виноваты, если приходим к такому печальному выводу. Самое великое и задушевное, если мы не сумели воспользоваться им для своего нравственного и вообще духовного роста, теряет для нас цену, но вместе с тем мы теряем и это «великое и задушевное».

25 сентября

Мы все стремимся к счастью и хотим быть счастливы; но указать — в чем условие нашего счастья — мы не можем; опыт доказывает нам это. Тем не менее эта неопределимость нашего внутреннего состояния счастья — внешними фактами — не дает основания отвергать самое стремление к счастью, как то делают теологи. Кто может быть счастлив достижением частичных благ — да стремится к их достижению; кто потеряет способность к такому счастью — да ищет высшего, не мешая другим продолжать свою погоню за мелкими благами.

5

26 сентября

На индивидуальную человеческую жизнь применим взгляд как на временное соединение воедино бесконечно разнообразной сущности природы; это случайно явившееся единство крутится в общем вихре природы, во имя инерции пытается сопротивляться внешнему разнообразию сил, горит собственною своею минутною жизнью, и, именно в силу своей самозамкнутости, наконец, сгорает и самопожирается. Индивидуальная жизнь есть пожар кусочка кальция в океане мировой жизни, есть какое-то туманное пятно в необъятном небесном пространстве.

Чувствуешь, разговаривая с человеком, что стоишь около горячей, волнующейся, содрогающейся от собственного жара печи, которая наконец не перенесет собственного напряжения и исчезнет в общем мировом безразличии.

29 сентября

Вместе с жизнью человек создает себе так называемое «мировоззрение», т.е. «теорию мира». Но он должен быть всегда готовым, на какой бы ступени развития ни стоял, — отнестись к своему ближнему, отбросив всякую теорию. «Человек прежде всего практик», — говорит Гёфдинг, и потому его теоретические воззрения должны всегда дать дорогу нравственным.

6

У человека бывают порывы, убедительные для него и определяющие своею правдою, так сказать — логикою правды. Должен ли он им доверять? Не доверяя им — он живет менее чем половиною жизни. Доверять же не может, зная, что его эгоистическая личность и эти порывы правды уживаются лишь в исключительные моменты жизни; доверяя своим лучшим порывам, человек незаметно дает почву и своей эгоистической природе.

Несомненно, бессмертие души и т.п. истины интересуют нас не сами по себе, но по тем *практическим тенденциям, с которыми они иногда связываются*. Там, где нет ясной наглядной уверенности, — нас интригуют наши личные тенденции, заинтересованные двумя вероятностями...

Тема: «Благо познания» или: «Ценность познания». Когда ослабевает наша мыслительная способность, мы начинаем понимать, какого великого блага мы лишаемся. Как хорошо, что мы знаем нечто! (Вся наша жизнь постольку ценна, поскольку мы знаем действительность.)

Тупой эгоизм «верующего», забывающего все ввиду своего спасения, — гораздо противнее жизненного и часто плодотворного эгоизма непосредственного человека.

3 октября

Соприкосновение с жизнью доказывает нам, насколько она нам неизвестна и непонятна.

Понятым остается абстрактный, по-видимому общий всем людям, мир законов сознания, так сказать, — мир интенсивной жизни индивидуума. И во имя сострадания мы не имеем права посягать на этот интенсивный мир; между тем всякий шаг в экстенсивный мир, — неизвестный, следовательно, сопряженный с риском, — тем самым является посягательством на интенсивный мир нашего ближнего.

Разумные люди, которых так мало и которые нас так увлекают, — большею частью люди, более или менее отрекшиеся от экстенсивной жизни. Отречение от экстенсивной жизни лежит в знаменитом изречении: *omnia mea mecum porto*.

Глупо называть человека, руководящегося этим принципом, «эгоистом». Это тот, который избавил мир от своей личности, — и он «эгоист»!

Что такое «альтруист»? В теории — «человек, отрекшийся от экстенсивной жизни». В практике — большею частью «человек, уверенный, что он понимает экстенсивную жизнь и поэтому, из *принципа*, посягающий на интенсивную жизнь своего ближнего».

7

«Ты сделал это? А ведь можно было бы сделать лучше! А ведь этого было бы лучше совсем не делать!» Вот суд разума над действиями воли. Однако надо заметить, что если бы разум разговаривал *до* действий воли, то не было бы и жизни; поэтому, с одной стороны, жизнь предполагает санкцию разума после санкции воли, с другой — вряд ли достижимо для смертного «самодовольство», которое справедливо считается высшим и единственным его счастьем.

Покамест сама жизнь не будет иметь самостоятельного интереса в глазах ваших, — интереса, большего сравнительно с интересом самолюбия, ревности и т.п., до тех пор вы не будете иметь самостоятельной мысли о ней.

Забвение — есть успокоение; это так, но ведь это успокоение искусственное; раз явившееся впечатление, раз замутившаяся поверхность сознания уже никогда вполне не успокаивается и не исчезает. Человек хочет забыть то, что он сделал; но это ему никогда вполне не удастся. Всякое человеческое

действие потому и важно, потому и заслуживает строжайшего обдумывания, что раз проявившись, никогда не исчезнет, никогда не обратится в «ничто». «Человек уже никогда не будет иметь возможность начать свою жизнь сначала. Он не может уничтожить ничего из того, что он думал, говорил и делал» (Вернер). Наслаждение не воспроизводится памятью; страдание раскаяния — есть преимущественное действие неумолимой памяти.

В глазах разума бессознательные стремления воли представляют не только нечто неразумное, но и уродливое. Потому-то Кант считал уместным скрыть свои увлечения, что ему так хорошо удавалось. Потому-то умный Вельчанинов у Достоевского после приятного и любезного вечера на даче — считал себя «униженным, как никогда, что связался...» Наконец, потому-то так стыдится своего увлечения и так неловко ему вспоминать о нем, когда лет через десять он встретит человека, который был ему привлекателен. К увлечению и страсти можно относиться снисходительно и с состраданием; но разум не может их оправдать!

8

Законно ли смешение метафизических понятий с этическими? Мы знаем о них из двух различных источников. Связь их непосредственно не дается; связь устанавливается поэтами и философами. Наука до сих пор считает наиболее удобным рассматривать то и другое как два самостоятельных мира.

5 октября

Будни — это русская жизнь. Тишина, бесцветность, умеренность во всем, кроме неподвижности и лени, — вот черта этой жизни. Все новое — нарушает и пугает будничное спокойствие русского человека. «Праздники» русского человека созданы для «празднолюбцев».

6 октября

Уже в 76 году Менделееву можно было сказать, что «время татарских набегов на науку миновало». Так счастлива наука в университете. Не то — в академии. Татары еще сильны здесь.

6 октября

«Будь тверд в твоём убеждении, и одно да будет твоё слово», — говорил древний мудрец. Легко с этим принципом согласиться, но не легко следовать ему. Мне раньше в момент дела казалось, я был убежден, что делаю хорошо. Теперь же мне кажется, не сделал ли я глупо. Но надо иногда отбросить эгоистическое сомнение в своих поступках и спрашивать только, не оскорбил ли ты своего ближнего своими поступками.

Как бы вы ни силились вашими отвлеченными понятиями отразить ваши чувства, все это будет или недостаточно, или, если достаточно и талантливо, — оно не для всякого понятно. Но замечательно, что женщина поймет вас сразу, если только вы говорите правду. Тут видно, как вы с вашими понятиями удаляетесь, так сказать, выходите из общего мирового бытия, и как ваши понятия, *если они соответствуют действительности*, удобно и просто поглощаются и усваиваются женщинами, этими носительницами истины мирового бытия. У женщин много менее индивидуализации, чем у мужчин, — в этом легко согласиться с Шопенгауэром, уже взглянув на наружность красивой женщины. Но слабость индивидуализации делает их — гораздо более, чем мужчин, — способными носить в себе общую правду; их *субъективация* гораздо глубже, чем у мужчин. Поэтому разговор и общение с женщиной, не отличающейся особенными умственными дарованиями, может быть не менее поучителен и благотворен, чем разговор с талантливым мужчиной.

9

Человек, прощаясь с любимым им ближним, говорит, что он прощается с ним не навсегда: не может быть, чтобы он его более не увидал, — это неестественно после той связи, которая возникла между ними. Когда же человек настолько сохранит рассудка, что поймет невозможность такого вторичного свидания, то он все-таки переносит время свидания за гроб на небо. К этому старому методу прибегал Гёте, прощаясь с Лоттой. Очевидно, истина во всем этом — та, что нечто — однажды возникшее между людьми — не исчезает.

Во всяком случае, как пространственный мир реальности есть нечто неопределенное, куда порывается погружаться пытливый ум

человека, так и мир психический, разлитый в этом мире пространства, остается для нас навсегда не миром устойчивой определенной жизни, но миром, постоянно требующим познания, следовательно, движения вперед, борьбы... В тумане этого мира где-то затерялись начала, где мы поклоняемся реализации наших идеалов; но эти воплощения наших идеалов уже потому не могут служить нам концом пути, что у нас не может быть с ними идеального общения, — что они «утеряны в тумане».

Заметьте, что «аскетизм» в пошлом смысле слова — связан с самым варварским взглядом на женщину.

Между тем «свои» и «близкие» человеку могут быть только люди. Кант был бы «чужим» Шопенгауэру, если бы они были современниками. Человек начинает следить «за полетом в голубом небе» своего ближнего, когда его уже нет в человеческих условиях, когда он не может войти с ним в обыденные (следовательно, «человеческие») условия. Что это? Следствие ли зараженности грехом — личности? Или, может быть, — прямой вывод из «логичности индивидуального существования»? Или это есть робкое стремление «бедного сына вечности к своему отечеству», о котором говорил Фихте?

Современное богословие «...» есть *психологическая схоластика*, тогда как древнее и старинное богословие (один из последних — Филарет) — *диалектическая схоластика*.

Вера процветает, когда является разочарование в знании. Нет нужды в вере, когда находишь содержание в знании; очевидно, знание привлекательнее веры. Понятно, что не во второй половине XIX века процветать вере, когда знание делает такие громадные завоевания. Проповедники оказывают тактические способности, основывая свои учения на пробелах завоеваний знания. Но тут являются два пути: одни, видя пробелы знания, все желания направляют на заполнение их новыми завоеваниями мысли; другие, напротив, всеми силами стараются не дать заполнить-ся этим проблемам, и пользуются ими для своих целей. Предоставляется решить, кто из этих непримиримых борцов — есть борец за благо